

А.А.Ким (в центре) с переводчиками своих произведений на японский язык - переводчицей «Белки» Юко Арига (слева) и переводчиком «Голубого острова» Судзуки Такаси. Январь 1994 г., Япония.

«МОЯ РОДИНА - РУССКИЙ ЯЗЫК»

Е.А. ИКОННИКОВА

Доктор филологических наук

Т.К. ПАВЛОВА

Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск)

ИНТЕРВЬЮ С ЮКО АРИГА, ПЕРЕВОДЧИЦЕЙ РОМАНА
А. КИМА «БЕЛКА»

Ключевые слова: Сахалин, корейская диаспора, японская литература, А.А.Ким

Язык истинной художественной литературы - это язык мировой литературы. Наивысшего мастерства писатель достигает в тот момент, когда его книги переводят, когда его произведения становятся востребованными в других странах и понятными для людей разных национальностей, конфессий и взглядов.

Так произошло и с творчеством Анатолия Кима - русского советского писателя, автора многочисленных книг - известных в России и за рубежом. Его дебютные прозаические сборники - «Голубой остров» (1976) и «Четыре исповеди» (1978) - были опубликованы в Москве. Произведения писателя неоднократно

переводились на иностранные языки, в т.ч. в Англии, Испании, Италии, Германии, Дании, Финляндии, Америке и Турции. Проза Анатолия Кима представлена более чем на 25 языках мира. Но наибольшее внимание наследию этого автора уделяется в странах Азии и Востока.

Существует несколько причин, объясняющих этот факт. В одном из своих интервью Анатолий Ким так говорил о себе: «Я русский писатель корейского происхождения. Моя родина - русский язык».

Однако биография писателя, выросшего в семье потомков корейских переселенцев, охватывает значительное пространство бывшего Советского Союза. Ана-

толий Ким родился в 1939 г. в одном из сел Казахстана. В детские годы вместе с семьей он совершил несколько серьезных переездов: вначале на Камчатку, позже - в Уссурийский край и на Сахалин. Затем в его жизни были Владивосток и Хабаровск, а позже - учеба в Москве, где и состоялась первая проба пера.

Принадлежность Анатолия Кима к корейской диаспоре способствует тому, что критики и исследователи пытаются найти в его творчестве классические традиции дальневосточной прозы. Немаловажным видится взгляд писателя на историю корейских переселенцев в России. Анатолий Ким впервые в русской литературе изобразил многоликие и часто

обусловленные трагическим началом судьбы этнических корейцев, разбросанных по бескрайним просторам Советской Азии и Дальнего Востока. Он - один из немногих писателей, который вводил в свои произведения упоминания о японском периоде в развитии Сахалина. Именно поэтому произведения Анатолия Кима во многом востребованы корейскими и японскими читателями.

С 1949 г. Анатолий Ким проживал на Сахалине: вначале - в Ильинском, затем - в Горнозаводске. В 1956 г. закончил среднюю школу в Невельском районе, после этого еще неоднократно приезжал на остров. Детские и юношеские воспоминания писателя о жизни на берегах Татарского пролива и Охотского моря легли в основу книг «Голубой остров» (1976) и «Мое прошлое» (1998), эпизодические упоминания о сахалинском периоде обнаруживаются и в романе «Белка». Сейчас А.Ким воспринимается как наиболее заметный автор русского авангарда. Творческие успехи писателя отмечены несколькими литературными премиями, в том числе и международными.

Проза А.Кима - интеллектуальная, и в то же время - поэтичная. Художественный поиск писателя не ограничен рамками пред-рассудков. Он развивается вне времени и вне законов общества. В повести «Мое прошлое» Анатолий Ким сформулировал толерантное отношение к миру: «...национальность у человечества одна, и она называется - человек. И я стал его национальным писателем. Моим письменным и звучащим языком стал русский, на нем осуществлены все оригиналы моих книг. Моим дописанным не звучащим языком стал всеобщий язык человеческого сердца, известный и понятный каждому, кто когда-нибудь появлялся жить на этом свете. И этот каждый, брат мой и товарищ по мгновению существования, читает мои книги на нашем общем родном языке».

Оценить художественное произведение в полной мере, почувст-

вовать настроение автора, наслаждаться красотой и богатством языка можно лишь прочитав текст в оригинале. Однако благодаря мастерству, искусству переводчика, его личности, книга порой приобретает новое звучание, получает новое прочтение на другом языке.

* * *

Японская переводчица Юко Арига открыла для соотечественников двери в богатую вселенную прозаического слова А.Кима, в его роман-сказку «Белка». По ее словам, именно это, в чем-то мистическое, произведение наиболее близко восточному пониманию мира. Кто знает, может, эта книга протянет еще одну нить дружбы между Россией и Японией...

- Расскажите, пожалуйста, немного о себе. Где Вы изучали русский язык? Что повлияло на выбор Вашей профессии?

- Русский язык я изучала в Софийском университете в Токио, после окончания которого занялась исследованием русской литературы в аспирантуре Токийского университета. В шестнадцатилетнем возрасте я услышала магнитофонную запись стихотворения Пушкина «К морю» и твердо решила заниматься русским языком и литературой. Меня пленила красота звучания русской речи. Помню, как обрадовалась спустя несколько лет, когда увидела это стихотворение в эссе Марины Цветаевой «Мой Пушкин». В то время я изучала творчество этой поэтессы. Мое первое мнение о мире, наверное, сформировал Гёте. Моя покойная мать очень любила этого писателя и всегда говорила мне о нем.

- Кто были Вашими наставниками в изучении русской литературы?

- Из моих учителей мне бы хотелось назвать трех человек. Первый - это профессор Сигэру Сомэя. Он научил меня тщательно заниматься языком, чтобы лучше понять литературный текст. Профессор Сомэя известен в Японии как переводчик прозы Александра Солженицына. Мой второй наставник - это профессор Мисао

Найто (он работал под псевдонимом Госукэ Утимура). Именно этот человек привил мне интерес и любовь к русской поэзии. На его лекциях в университете я впервые узнала о формализме. Профессор Сюнъити Мори с энтузиазмом обучал студентов Софийского университета русскому языку. Он считал своим долгом, предназначением помочь японским студентам овладеть русским языком на высоком уровне. Занятия с профессором Мори дали мне возможность писать и говорить по-русски. Кстати, он был уроженцем Сахалина и по-русски говорил лучше, чем по-японски. В детстве он учился в советской школе. В возрасте 18 лет профессор Мори вместе с родителями вернулся на Хоккайдо, но совсем не мог говорить по-японски и с нуля изучал в средней школе японский язык. Сейчас моих учителей уже нет в живых. Особенно мне жаль, что очень рано ушел из жизни профессор Мори. В 52 года он умер от рака.

- В России известны Ваши переводы произведений японских драматургов на русский язык. Что, на Ваш взгляд, сложнее: переводить с русского языка на японский или наоборот?

- Думаю, конечно, что намного легче переводить с иностранного языка на свой родной. Но все-таки я всегда мучаюсь, не находя подходящего слова или выражения в родном языке. А перевести с родного языка на иностранный гораздо труднее, но я наслаждаюсь самим процессом. То есть я люблю думать, как по-русски можно воспроизвести те или иные японские обороты. Как-то мне пришлось переводить игру слов на японском языке в одном сценарии. Я очень старалась точно воспроизвести эту словесную игру на русском языке, и, наконец, придумала по-своему подходящие для этого случая выражения на русском языке. Но редактор сказал мне безо всяких колебаний: «Русские люди этого не поймут!» Поэтому все придуманные мною фразы были целиком убраны из перевода. Я тогда огорчилась, но в

А.А.Ким и Юко Арига перебирают стопку книг - переводы «Белки» на другие языки мира. Июль 1993 г., Южная Корея. (Оба снимка из личного архива Арига Юко. Публикуются впервые.)

душе поклялась, что в следующий раз я обязательно переведу на русский язык этот пассаж.

- Как у Вас возникло желание перевести «Белку» Анатолия Кима?

- Это было предложение ныне покойного представителя японского издательства *Гундзося* Сюньити Миядзавы. Я была еще аспиранткой и тогда еще ничего не знала об этом романе, поскольку увлекалась только русской поэзией. Однако, прочитав книгу Анатолия Кима, я заинтересовалась авторским замыслом. На протяжении всего произведения *Белка* превращается и перевоплощается в своих покойных друзей и рассказывает об их необыкновенных жизнях. Такая история мне показалась необычной, поэтому я и решила перевести роман.

- Почему именно «Белка» стала первым произведением писателя на японском языке?

- «Белка» - это первое большое произведение Анатолия Кима. В этой книге писатель показал себя великим прозаиком, которому подвластны объемные

эпические формы. До этого он писал только рассказы и повести, «Белка» стала его первым романом. В нем органически связаны те идеи, о которых писатель упоминает в ранних, предыдущих произведениях. Содержание этого романа многообразно, в нем перекликаются судьбы разных людей. А это не может сделать роман скучным. Так что имело смысл перевести «Белку» на японский язык и подарить соотечественникам возможность познакомиться с таким ярким писателем. Однако я хочу сказать, что еще до моего перевода «Белки», в 1990 году известный славист, профессор Рёхэй Ясуй уже познакомил японских читателей с одним рассказом Анатолия Кима «Молния в городе». Этот рассказ был напечатан в журнале радио-курса русского языка (такие курсы идут по *NHK**). Курс профессора Ясуи начался осенью 1989 года, но уже к концу полугодового изучения русского языка японцами рассказ Кима был рекомендован для чтения.

- С какими сложностями Вы столкнулись при переводе?

- «Белку» я переводила почти 8 лет. Во время работы были не-

* *NHK* - японская теле- и радиокорпорация (прим. ред.).

которые трудности. Во-первых, было очень трудно отличать друг от друга голоса четырех героев и самого автора, который рассказывает сказку своей любимой. Во-вторых, сразу я не могла найти эквиваленты для ключевых слов «превращение», «перевоплощение», или «оборотень», а также для некоторых других слов и терминов. Чтобы прояснить эти вопросы, я пользовалась ценными советами моего товарища, известного корейского слависта Гон Ён Цоя. Он изучал книги Анатолия Кима в докторантуре Токийского университета. Кроме того, я сталкивалась с разными незнакомыми словами и терминами. Анатолий Ким владеет широкими знаниями во многих областях науки, и часто в своих произведениях он упоминает об этом. Поэтому мне нередко приходилось уточнять эти вещи.

- А что, на Ваш взгляд, особенно интересно в «Белке» Анатолия Кима?

- Мне лично интересно, как в подсознании писателя сливаются русский всеохватывающий космизм и корейский дух. Необычна композиция романа-сказки. К тому же у такого жанра своя особенная архитектура.

- По Вашему мнению, не сложно ли для восприятия японцев такое произведение? Ведь оно не из разряда массовой, популярной литературы, понятной и доступной широкому кругу читателей.

- Роман философичен, как это традиционно бывает в русской литературе. Писатель касается ноосферного учения**. Но в книге не чувствуется строгого религиозного (я бы сказала - христианского) начала, которое иногда затрудняет японцам понимание западной литературы. Не утверждаю, что одним понятием «круговорот существования» можно объяснить глуп-

** Учение о переходе биосферы в ноосферу - сферу взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития, принадлежит крупнейшему русскому ученому-мыслителю В.И.Вернадскому (1863-1945).

бокий смысл этого романа, но нам, японцам, понятен такой подход к окружающему миру, миру, который полон голосов ушедших из жизни людей. Мы вслушиваемся в эти голоса. Верим, что жизнь на этой Земле повторяется, несем в себе воспоминания об иных существованиях. Такое мировоззрение в «Белке» мы, японцы, понимаем не умом, а душой и принимаем его. В этом смысле мы с писателем люди восточного происхождения. Помню, как легко мне было переводить «Эпилог» романа, мысль писателя овладела моим умом и моими ощущениями. Так влага впитывается в почву.

- Когда Вы преподавали в Софийском университете в Токио, удалось ли Вам увлечь прозой Кима Ваших студентов или аспирантов?

- Я этого не успела. Но вот один талантливый студент Судзуки Такаси заинтересовался творчеством Кима. Он начал вместе со мной читать и изучать его произведения. К сожалению, ему пришлось уйти из университета из-за болезни, не завершив учебу. Но сейчас он продолжает заниматься сам, читает новые книги Кима и иногда переписывается с ним. Надеюсь, в ближайшем будущем на японском языке в переводе Судзуки появится «Голубой остров» Анатолия Кима. Этот же сборник станет второй переведенной в Японии книгой писателя. Кстати, Судзуки отлично владеет родным языком. Меня восхищает богатый словарный запас этого переводчика.

- Встречались ли Вы с Анатолием Кимом? Каким он Вам запомнился?

- Летом 1993 года я и Такаси Судзуки навестили писателя в пригороде Сеула. Тогда он жил в Корее и читал лекции студентам. Этот визит осуществился благодаря моему корейскому товарищу, слависту Гён Ён Цою. Анатолий Андреевич встретил нас на станции. Тогда мне показалось, что он больше похож на древнекорейского мыслителя, чем на популярного современного писате-

ля из России. Говорил он спокойно, размеренно. Когда же мы с коллегой стали задавать ему вопросы о его творчестве, то писатель стал говорить ошеломляюще энергично. Он говорил долго и искренне. То интервью мы смогли поместить в одном из японских журналов. В начале 1994 года мы пригласили писателя в Токио вместе с его семьей. Ким прочитал лекцию в Софийском университете, потом общался с японскими славистами. Еще он съездил в мой родной город недалеко от того места, где находится Фудзияма. Кстати, я уверена, что именно пребывание в Японии вдохновило писателя на рождение его романа «Сбор грибов под музыку Баха». Это произведение впервые было опубликовано в первом номере журнала «Ясная Поляна».

- «Голубой остров» - одна из самых реалистичных, на мой взгляд, книг не очень популярна у переводчиков. Как Вы думаете, почему?

- Я лично очень люблю этот сборник. В нем очень ярко рассказано, как на Сахалине живут люди. Мне кажется, что все произведения в «Голубом острове» основаны на личном опыте писателя. Тем же, кто не интересуется Сахалином, наверное, безразлична такая «местная» литература в сравнении с другими книгами Анатолия Кима. К тому же, с точки зрения переводчика, трудно понять особенности жизни на Сахалине, на краю света (извините за такое выражение). Может быть поэтому «Голубой остров» не так замечен переводчиками.

- А какое из произведений «Голубого острова» Вам нравится больше всего и почему?

- Из рассказов я выделяю «Шиповник Мёко». Меня тронула жизнь скромной, бедной, но духовно сильной кореянки, носившей японское имя. Я ощущаю ностальгию по прежним временам, когда материально многие люди были бедны, но при этом отличались искренностью чувств.

Душевное движение и изменение мужа Мёко - молодого корейского юноши Ри Гичена передано точно и сдержанно. Мне очень нравится общий тон рассказа, то, как выражены в нем основные мысли. Даже простые цветы шиповника описаны очень эффектно, ярко и впечатляюще! Еще мне нравится повесть «Собиратели трав». Особенно хороша заключительная часть, где красочно описывается море, а вместе с ним - и душевное состояние литературного героя Эйти, окунающегося в морскую стихию. Голубой остров, на который плывет Эйти, в моем понимании, не что иное, как Сахалин. Благодаря этому произведению Сахалин встает перед моими глазами очень ярким и сияющим под летним солнцем островом. Хотя, конечно, я знаю, что тот «голубой остров» в повести не сам Сахалин, а маленький остров, виднеющийся в море напротив Камарона. Но в моем воображении этот остров и окружающее его море неотделимы от Сахалина. Вместе с такими маленькими островами, расположенными недалеко от берега, весь Сахалин встает перед моими глазами в голубом тумане. И еще в подсознании мне хотелось, чтобы Сахалин, действительно, был «голубым островом», на который стоит стремиться, как Эйти.

- Приходилось ли Вам бывать на Сахалине?

- К сожалению, нет. Я только воображаю себе этот остров. Наверное, он действительно «голубой». Ведь так написано у Анатолия Кима, так говорят и пишут об острове в разных репортажах.

- Планируете ли Вы в будущем новые переводы на японский язык русских писателей?

- Я считаю, что обязательно нужно перевести на японский язык роман-мистику Анатолия Кима «Сбор грибов под музыку Баха». Ведь герой этой книги Тандзи - не кто иной, как Такаси Судзуки. Наверное, это наш (с переводчиком Судзуки) долг, чтобы такое произведение появилось в Японии.